

НАСИЛИЕ НА СВИДАНИИ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ МОМЕНТ СЕКСУАЛЬНОЙ ИГРЫ?

ЛЕВИЦКАЯ Анна Гавриловна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Владимирского политехнического института. ОРЛИК Елена Николаевна—кандидат философских наук, доцент той же кафедры. ПОТАПОВА Елена Петровна — кандидат философских наук, доцент, ведущий специалист администрации г. Владимира. В нашем журнале публикуются впервые.

Как бы стремительно ни менялись мир вокруг нас и положение женщины в нем, а проблемы насильственного притеснения «прекрасной половины человечества» не утрачивают своей актуальности. Сегодня не могут не вызывать тревоги приобретающие массовый характер преследования на сексуальной почве, понуждение к проституции, организованный туризм «жриц любви» и даже торговля женщинами.

Насилие все откровеннее и чаще вторгается в сферу интимных отношений между мужчиной и женщиной. Казалось бы, его просто невозможно связывать с добровольным романтическим свиданием. Увы, свитое легковерием женщин и бездумным поведением мужчин, оно подчас не без успеха имитирует любовь и сексуальное наслаждение.

Пожалуй, убедительными выглядят предположения специалистов о том, что число фактических изнасилований и многих преступлений аналогичного плана в 5—10 раз превышает официальные данные, ибо нередко пострадавшие в силу различных причин не заявляют о случившемся. Здесь сказываются и правовой нигилизм, и страх публичного признания нанесенного насильником ущерба женской репутации, и нежелание на вербально-психологическом уровне заново переживать сей кошмар.

Тайна — вот камень преткновения в анализе фактов насильственных действий на свидании. Ведь стремление жертвы сохранить ее, «не роняя» до обсуждения с посторонними, не доводя до общественного сведения, сильно затрудняет сам исследовательский процесс, унося многое за скобки, оставляя недосказанным, не поддающимся строго научному осмыслению.

Действительно, зададимся вопросом: как, не задевая интимного в социализации молодой личности, убедиться, в каком случае проявленная жестокость партнера преступна, а в каком она выглядит, так сказать, неэтичной или нежелательной? Иными словами, как определить ту грань, которая отделяет преступление от игры без правил?

Наверное, каждое новое поколение будет давать свои ответы на этот поставленный жизнью вопрос. Ныне же очевидным является тот факт, что подобное насильствие влечет за собой тяжелые душевно-нравственные последствия, однако до сих пор юриспруденция и общественное мнение не научились эффективно оберегать от него потенциальных жертв. В российском обществе почти нет опыта пресечения правонарушений, которые следует рассматривать в качестве «скрытого насилия» — особого типа латентных преступлений.

Именно эта тема стала предметом русско-американского исследования, которое по методике профессора кафедры криминального правосудия Иллинойского университета, доктора Сеши Кетинени и заведующего этой кафедрой доктора Майкла Чарльза (с участием студента Троя Баркера) провели социологи Владимирского политехнического института весной 1992 г. Опросами были охвачены, помимо наших, и студентки двух вузов США (в городах Нормал и Детон). Компаративная часть исследовательской работы еще не завершена, и мы даем результаты лишь по группе респондентов г. Владимира¹.

В ходе исследования использована целевая выборка с последующим сплошным опросом. В конверт с анкетой было вложено письмо каждому респонденту, в котором подчеркивалось, что участие в опросе добровольное и гарантируется его абсолютная анонимность. Письма отправлялись городской почтой по домашним адресам студенток в течение двух недель. Анкеты с ответами стали поступать в институт через 5—6 дней после их рассылки. Из 500 анкет заполненными вернулись 62.

Начнем с некоторых особенностей, которыми отмечено исследование. Его предваряющей частью стали учебные лекции, обращавшие внимание студентов, главным образом девушек, на возможность такого рода, не всегда ожидаемых, маскирующихся форм подавления человеческой воли, которые не только вопиют об ущемлении личностных прав и оскорблении женского достоинства, но имеют и негативное воздействие на психо-эмоциональный климат семьи, часто выступают побудителями серьезного конфликта в ней [1]. И очень важно молодым женщинам быть морально подготовленными против насильников, следуя известной поговорке: «Предупрежден — значит вооружен».

Хотелось бы остановиться на эпизодах показывающих необычность положения, в котором порой находились исследователи, испытывая на себе немалое психологическое давление. Одному из руководителей института позвонил отец студентки, получившей нашу анкету, и с возмущением спрашивал: кого готовит институт — инженеров или проституток? А некий номенклатурный чин заинтересовался: кто и когда давал разрешение на проведение исследования? Была затребована для «проверки» рассылаемая анкета, и даже делались попытки приостановить работу. И неудивительно: она затрагивала довольно большой круг проблем сексуального поведения студенчества, выясняла мнение по сложным вопросам, традиционно считавшимся «табуированными» для широкого обсуждения. Административная обеспокоенность, а также скромное количество вернувшихся анкет свидетельствуют, думается, о неготовности заметной доли населения к таким исследованиям, о все еще существующем в обществе жестком «прессинге», преследующем изучение «щекотливых» сторон жизни.

Что же показали полученные материалы? Какую роль в интересующих нас криминальных действиях играют провоцирующие факторы и в чем они состоят? Что ведет к этим преступлениям? Каковы типичные обстоятельства изнасилования в среде студенческой молодежи?

Коротко о статистике свидетельств по фактам инцидентов: 22 девушки подверглись угрозе насилия или были изнасилованы, при этом 9 из них (41%) однажды, 5 (22,7%) — дважды, 8 (36,3%) — Трижды. Словом, ими описаны 43 случая, что составляет приблизительно 70% к общему числу опрошенных и говорит, пусть о скрытом, но достаточно распространенном явлении.

Рассмотрим основные нравственно-психологические моменты, создающие ситуацию принуждения женщины к сексуальной связи на свидании вопреки ее воле. Весь массив респондентов, как помнит читатель, был разделен на две группы — тех, кто становился объектом насилия, и тех, кто этого не претерпел, однако ответил на наши вопросы (было предложено 12 вариантов ответов) и обосновал свои суждения.

Лидирующее место занимает позиция «нейтрально-лояльного» типа: «принуждение к половому контакту предопределено состоянием мужчины, столь сексуально возбужденного, что он не может остановиться». Так считают 2/3 потерпевших и свыше половины знавших о таких ситуациях лишь понаслышке. Тенденция оправдания прорисовывается весьма выпукло, трудно только уточнить, что тут преобладает: попытка найти какой-то довод, объясняющий агрессивную сексуальную реакцию, или же попросту снисходительное отношение к отсутствию сдерживающих внутренних начал. Также сложно понять, повлияла на склонность к этой оценке определенная социальная приниженность женщины или же привычность восприятия ею напористой сексуальности мужчин.

Ряд факторов, обостряющих межличностные связи, объединены общим содержанием — неосторожные провокации со стороны самих партнерш. Респонденты вполне объективно оценивают и осознают вину представительниц слабого пола, чье поведение во время встреч с мужчинами послужило невольным толчком к их несдержанности. Это и сексуальная «призывность», и внезапное изменение поведенческого «сценария», когда первоначальная готовность вступить в интимную близость сменяется отказом. Приведем наиболее симптоматичные рассуждения девушек по этому поводу: «Мне кажется, в большинстве случаев женщина на 80% сама виновата в происшедшем, разумеется, кроме самих тяжелых и грубых — настоящих преступлений» (подытожила 21-летняя студентка IV курса); «Считаю, чаще всего такое случается по вине девушки» (вторит ей 18-летняя

оказалось, что подвергались насилию на свидании 22 девушки (кое-кто — неоднократно). На большую часть вопросов ответили еще 40 человек, изложивших свою точку зрения на факторы, которые провоцируют сексуальные посягательства, описавших соответствующие ситуации и высказавших ряд соображений об определенных ориентациях молодежи и т.п.

² Характерно, как указывает американский исследователь мотивов поведения насильников на свидании Юджин Канин, что «... неудовлетворение (сексуальной жизнью. —Примеч. переводчика), которое демонстрируют насильники, вызывается дифференцированной социализацией в гипер-эротической мужской культуре, когда сексуальный успех имеет первостепенную важность в поддержании самоуважения, и невозможность добиться успеха в сексе может приводить, в отдельных случаях, к проявлению насилия...» [2].

студентка I курса). В этих признаниях есть своя обоснованность: как показало одно из исследований, проведенное в 80-х годах в США, первостепенное значение для насильников имело то обстоятельство, что партнерша позволяла проявлять к себе все возрастающую сексуальную настойчивость, заводя дело слишком далеко и вызывая экстремальный рост плотского желания у партнера. Наступала та стадия, когда сигнал «стоп» уже не воспринимается серьезно [3].

В этот же блок побуждающих факторов логично встраивается еще один — почти половина молодых женщин, оказавшихся жертвами сексуальной агрессии на любовном randevу, отмечают негативное влияние на них алкоголя и наркотиков, как причину, облегчившую насилие. Да, дурманящие средства зачастую выступают в качестве «невидимого дьявола-соблазнителя», цинично собирающего свою «дань» чуть ли не со всех видов взаимоотношений между мужчиной и женщиной в молодежной среде [4].

Проявилась и позиция «непримиримых», которые считают, что «ни при каких обстоятельствах нельзя принуждать к половому сношению»; правда, данная точка зрения занимает лишь восьмое место в рейтинге приводимых опрошенными оценок. Ее придерживаются чуть более 1/5 переживших насильственное принуждение к сексуальному контакту (в этом мы видим своеобразный парадокс), и 1/4 не попадавших в изучаемые нами ситуации.

В кругу молодежи широкое распространение получило одобрительное отношение к добранному сексу, особенно между теми, кто встречается постоянно. Впрочем, не предаются моральному осуждению и сексуальные контакты случайно познакомившихся. Это подтверждают ответы примерно 1/3 перенесших «секретную травму» и 1/8 избежавших теней насильников. Не кроется ли в такой фривольной житейской установке эмоционально-психологической зародыш поведения девушки, которое как раз и толкает ее в «ловушку» насильственного секса?

Однолинейность мышления в восприятии нравственных коллизий иногда позволяет полагать, будто чем чаще происходят свидания, тем больше совершается и насильственных акций. Посмотрим, широк ли был диапазон встреч у охваченных опросом. Львиная их доля из обеих групп встречалась в течение года только с одним мужчиной, около 1/3 — с 3—5 и более, немногие — с 2 мужчинами. Можно предположить, что первые обладали довольно стойкими сердечными привязанностями, вторые находились, условно говоря, в «поиске» таких привязанностей и, наконец, третьи пребывали, видимо, в состоянии морального выбора из двух возможных брачных или сексуальных партнеров. Напомним, что большинству респондентов 19—21 год, возраст, когда так много матримониальных надежд и планов! Однако заметим, что вовсе не обнаружено прямой взаимосвязи между числом мужчин, с которыми наши «героини» встречались, и количеством ситуаций, в которых стало возможным насильственное принуждение к сексуальным отношениям. Не объяснишь также прямой арифметической зависимости, почему на совокупность девушек, отдававших свои симпатии 3—5 партнерам, приходится половина случаев насилия, а среди имевших общение с заметно большим количеством мужчин — от 6 до 9 — зафиксировано всего два подобных случая.

Не осталось вне поля нашего исследовательского интереса и то, что американскими социологами названо термином «окружающие обстоятельства». Материал, которым мы располагаем, показывает, что гостиницы, мотели и т.п., как места принуждения к сексуальной близости, не представляли для респонденток опасности: учеба не предполагает командировок и проживания там. Невелика она была и при контактах в машине. Но достаточно реальной становилась в их квартирах, достигая уровня насильственных поступков, совершенных вне дома, «на природе». А вот сам факт приглашения в собственную квартиру мужчиной, очевидно, всегда являлся своего рода невербальной установкой на желаемый сексуальный контакт с партнершей. И тут почти не играет роли то, что женщина противится в момент приближения коитуса: насильник уже заранее готов воспринимать это как форму игры (продолжение того, что так хорошо началось). «Сначала наступает ужин, затем — танец, потом немножечко выпивки, а потом начинается (сексуальное. — *Примеч. переводчика*) принуждение» [1]. При этом в отсутствие явного социального контроля (возможность вмешательства официальных или третьих лиц) партнер своим поведением проявляет самые низменные и «неджентльменские» свойства, используя весь арсенал насилия — от словесных угроз (кстати, в 80% случаев ими вообще пренебрегли) до применения оружия (в каждом пятом случае).

Итак, самая криминальная территория — это квартира мужчины, здесь всего опаснее (50% насильственных действий). Характерно, что посещавшие мужчин молодые женщины не считают верным расхожее утверждение, будто этим они демонстрируют свое намерение вступить в половую связь. Эту точку зрения разделяют 80% всех опрошенных, в том числе добрая половина поплатившихся за свою неосмотрительность. Довольно затруднительно исчерпывающе интерпретировать такую позицию, скорее всего следует сказать об известном воздействии на ее формирование эмоциональной увлеченности партнером, надежды на развитие любовных отношений в будущем. У нас нет возможности прояснить и классифицировать девичьи замыслы — с мечтательно-возвышенным флером или, наоборот, с узко утилитарной, эгоистической направленностью. Часть

респондентов, чьи мнения попали в выборку, похоже, тяготеют к персонализированным, тонким и устойчивым человеческим взаимосвязям, что также сопряжено с психологическими проблемами и трудностями. И вряд ли всегда приход на свидание в дом к мужчине соединен у них с «целевым» назначением — удовлетворить сексуальное желание. Не будем сбрасывать со счетов и чисто женское любопытство, и такие черты, как общительность, беззаботность, легковерие.

При выяснении отношения к человеку, совершившему вероломное нападение, опрошенные разделились на две равновеликие группы: а) доверявшие партнеру, допускаящие поцелуи, фондлинг и т.п., что, безусловно, правомерно расценить как провоцирующие факторы для насильственного секса, невольно подталкивающие к нему; б) не доверявшие, не желавшие близких контактов, исходя из индивидуально-личностных нравственных принципов, либо плохо знавшие партнера: «Хотел завести в подвал, угрожал, начал душить» (21 год, IV курс); «Мы станцевали вместе один медленный танец» (23 года, V курс); «Познакомились за три часа до этого» (21 год, III курс); «Я вовсе не думала ни о каком контакте» (23 года, V курс).

Сколько было свиданий до случая агрессии? На первой же встрече подверглась сексуальному насилию каждая четвертая девушка, на третьей или последующих — каждая третья, на второй произошло всего несколько попыток.

Кто оказался насильниками? Малоознакомые лица — 25%, близкие друзья — 75%. И хотя 55% жертв сексуальных посягательств не очень-то верили в искренность партнеров, но подчас непрочь были активно развивать интимные отношения с ними, строили определенные планы в связи с этим. К примеру, 5% сами явились инициаторами свидания, принесшего беду, 36,5% признали, что инициатива была обоюдной, а 54,5% посчитали ответственным за назначение встречи мужчину.

Подавляющее количество (78%) респондентов заявили, что до рокового происшествия решительно противились половому контакту. Вместе с тем на контрольный вопрос о характере отношений в фазе, непосредственно предшествовавшей инциденту, их ответы выглядят уже менее категорично, многие же отказались от своих первичных свидетельств, отметив, что были не так неприступны, как, наверное, требовалось. К тому же, немало среди них подтвердили, что не без своего желания были вовлечены в сексуальную игру и сознавали пикантность столь соблазнительных забав, без которых, мол, невозможно полноценное движение к гармоничным отношениям с мужчиной.

Пожалуй, мы столкнулись с той ситуацией, когда под давлением распространенных моральных табу на все, что недоступно внешнему социальному контролю, некоторые девушки пытаются хотя бы задним числом в целях самооправдания скорректировать в приемлемом направлении собственное поведение.

Вспомним недавнее пропагандистское клише: официальное и декларативное «восхищение» женщиной-труженицей, женщиной-матерью. Или сусальные анекдоты под бутылочку беленькой о ловкой любовнице — наглой надувательнице глуповатого и всегда проигрывающего мужа. При таком небогатом моральном наборе, согласитесь, сложно поддерживать между мужчиной и женщиной достойные и уважительные отношения, само существование которых на деле ставится под сомнение в этатизированной системе ценностных координат. Поэтому возьмем на себя смелость предположить, что у многих девушек формируется страх перед интимным сближением, а в мужской груди зачастую распускается пустоцвет спорадического вожделения, и насилие выступает как средство реализации последнего, беззастенчивой жажды не упустить любой подвернувшийся для этого момент. И тогда радуга всестороннего и светлого общения противоположных полов подменяется темным маревом сладострастия, и друг, которому девушка доверяла и, вероятно, о котором нередко томно вздыхала, превращается в насильника, заслуживающего лишь презрения.

Вообще-то трудно представить любовно-приятельские чувства без стремления партнеров к интимному соитию. Нравственно-духовные ценности человеческого бытия — любовь, дружба, сопереживание, радость познания друг друга, — в должной мере подкрепленные половым просвещением — помогают робким и порой однообразным, внешне похожим по своим проявлениям сексуально-романтическим прелюдиям перерасти в подлинные отношения Мужчины и Женщины, ведут к прекрасному способу самовыражения, где душа гармонирует с телом, позволяя обрести «крылья».

Однако на эту ситуацию можно взглянуть и по-другому. Э. Берн, в частности, интерпретирует отношения полов с точки зрения конкретных трансакций, говоря о распространённости сексуальных игр, которые, по его мнению, служат не чем иным, как упражнениями в половом привлечении, эксплуатации соответствующих органов и оргазма. В своем огромном множестве подобные занятия для двоих — это различные вариации на тему «Насилие» [5].

Изучение анкет опрошенных студенток — и тех, кто продолжал после насильственного коитуса встречаться с горе-любовником, и тех, кто отказался от дальнейших встреч, — выявляет примечательную особенность: мужчины, сумевшие сохранить контакты со своими жертвами, в ходе

насилия прибегали исключительно к двум средствам — словесным уговорам и алкоголю. Тогда как прочие (впоследствии отвергнутые) непременно обращались к грубому психическому и физическому воздействию. Таким образом, в первой из описанных ситуаций насилие выражало настойчивое преодоление сопротивления нежелательному половому акту, носило как бы ограниченный, эпизодический характер и было, несмотря на женскую обиду, по прошествии определенного времени прощено, во второй же — напротив, составляло самую суть злосчастного свидания и, понятно, не могло завершиться примирением.

Именно этим, наверное, объясняется и тот факт, что первая группа респондентов сочла возможным рассказать о случившемся только друзьям, либо вообще умолчала, а вторая группа из-за тяжести содеянного расширила круг посвященных, включив в него, наряду с друзьями, родителей и родственников. Следовательно, насилие на свидании имеет разные оттенки, и если в одних случаях достаточно ограничиться моральным осуждением, урезониванием, то в иных приходится говорить о правовой профилактике или привлечении к уголовной ответственности.

Уместным в этой связи будет упоминание о распространенном среди исследователей мнении о том, что природа мужской сексуальности по сравнению с женской обнаруживает себя как более агрессивная, инструментальная и напористая. Половая жизнь большинства мужчин экстенсивнее, чем у женщин, в ней выше и сменяемость сексуальных партнеров. Это означает меньшую эмоциональную вовлеченность и психологическую интимность. Перечисляя возможные и реальные мотивы вступления в связь, мужчины значительно чаще называют безличные, не соотнесенные с конкретным лицом, половые потребности. И все-таки мужчина обязан уметь «убить дракона» в сексуальном путешествии со своей очередной или единственной спутницей. Можно и нужно изменять «жанр», стиль любовного приключения, не ущемляя при этом чести, достоинства избранницы.

В этом аспекте стоит всерьез подумать о воспитании нравственного неприятия молодым поколением принципа, широко практиковавшегося бонзами застоя: «Если нельзя, но очень хочется, то можно». Вседозволенность — это питательный бульон для взращивания низости, подлости, изощренного надругательства над личностью и ее унижения.

Респонденты, попавшие в ситуацию соприкосновения с агрессивным сексом, несомненно, пережили то потрясение, которое может быть определено как невротическое. Вот как они сами описывают свое последующее состояние: «беспокойство» — 64%; «общий страх» — 55%; «депрессия» — 41%; «нарушение сна, потеря веры в себя и самоуважения» — 32%; «бессоница» — 27%; «злоупотребление алкоголем» — 23%; «сексуальные расстройства» — 18%; «пропуск занятий в институте» — 5%, а также «отказ от общения с людьми из окружения насильника» — 5%. Нельзя не допускать и того, что кому-то душевную рану осложнял конфликт между влечением и внутренним запретом, между привязанностью к партнеру и его открывшейся злонамеренностью.

Тут, видимо, не лишне напомнить о дифференцированности мужских и женских сексуальных ориентации. Если половые переживания мужчин в большей степени содержат «эротические» (стремление реализовать увлечение до полного физического обладания) и «людические» (склонность к любви — игре, не отличающейся глубиной чувства и постоянством) компоненты, то у женщин ярче выражены «прагматические» (отношения по расчету), «сторгические» (надежная любовно-дружеская связь) и «маниакальные» (иррациональная любовь, предполагающая несвободу от объекта страсти) черты [6].

Возможно, продуктивнее окажется интерпретация полученного нами материала, если обратиться к теории «сексуального сценария», предложенного Уильямом Саймоном и Джоном Ганьоном (близкого к понятию «плана», «схемы», как отмечает И.С. Кон), — кто, что, с кем, когда, как и почему должен или не должен делать, — где все в общих чертах задается соответствующей культурой. Однако это не исключает больших индивидуальных различий и вариаций количественного и качественного порядка. Индивид обычно имеет не один, а несколько «сценариев»: 1) сексуальные фантазии, которые он никогда не пытается, не может или даже не хочет реализовать; 2) сюжет реального поведения, который в той или иной мере последовательно осуществляется; 3) промежуточные ориентиры, используемые в процессе сексуального взаимодействия («если объект сделает так, я сделаю это») и 4) как бы хранилище памяти, организующее прошлый сексуальный опыт в некое стройное целое [7].

Думается, наше исследование подтверждает явную несогласованность женского и мужского планов свидания, закончившегося сексуальной агрессией. Это подтверждается и тем, что преобладающая доля респондентов больше не встречалась с людьми, нарушившими их девичью неприкосновенность, благодаря чему, разумеется, избежала повторения оскорбительного принуждения со стороны прежних партнеров. Опрос, проведенный среди студенток, дает знать о начавшемся процессе утверждения идеи сексуального равенства как естественной реакции на «десекуализированный» образ феминности, господствовавший до недавнего времени в массовом сознании.

Важно особо подчеркнуть, что различия, которыми отмечено сексуальное поведение индивидов, также проблематичны и вариативны, как и в остальных сферах жизнедеятельности. И во многом зависят от социально-культурных условий и принятых нравственных ценностей. Вот почему авторы имеют в виду, что при толковании исходных данных исследования нужна крайняя осторожность: их непозволительно экстраполировать за пределы того слоя, в котором они получены (студентки одного вуза в центральном регионе России, хотя и разных специальностей, но примерно одинакового возраста, принадлежащие к одной расе и т.п.), так как в других регионах, в других социально-демографических группах могут господствовать, не исключено, резко отличающиеся ценностные установки и житейские нравы, а то и иная степень сексуальной раскрепощенности, иной поведенческий стереотип у насильника.

В заключение же остается с сожалением констатировать, что в исследованной нами молодежной среде намечился и укрепляется скепсис по отношению к деятельности государственных структур, которые призваны защищать права и достоинство личности. Укореняется осознание собственной незащищенности и преувеличенное представление о разгуле насилия и жестокости. И это происходит прежде всего по той причине, что действия насильников зачастую не получают как решительного пресечения правоохранительными органами (когда потерпевшие обращаются туда), так и сурового осуждения общественным мнением. Безднаказанность не просто провоцирует, но стимулирует секс с насилием, он начинает восприниматься как норма. Оттого-то мы и вынуждены посетовать на отсутствие в стране сколько-нибудь выраженного феминистского движения, массовой распространенности присущих ему умонастроений, взглядов, подходов при решении социальных проблем, что достаточно широко практикуется в развитых демократических государствах [8].

Роль «пробного шара» в разрушении, преодолении косности общества могли бы сыграть женские клубы, которые, в частности, ставили бы задачу обучения молодых женщин превентивным правилам гибкого, компромиссного поведения в определенных обстоятельствах, а там, где это не будет срабатывать, формам и методам нравственно-психологической защиты, начиная, естественно, с простейших мер освоения различных способов предотвращения «скользких» ситуаций. Конечно, нельзя возлагать чаяния лишь на женские клубы, необходима разветвленная и компетентная деятельность соответствующих служб социальной помощи (укомплектованных квалифицированными специалистами, включая юристов, психотерапевтов и психологов) лицам, попавшим в «зону» насильственно-сексуальных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gibbs N.* When is it Rape? // *Time*. 1991. 3 J. P. 48—50.
2. *Kanin E.J.* Date Rapists: Differential Sexual Socialization and Relative Deprivation // *Archives of Sexual Behavior*. 1985. Vol. 14. N 3. P. 224.
3. *Kanin E.J.* Date Rape: Unofficial Criminals and Victims // *Victimology*. 1984. Vol. 9. N 1. P 100.
4. *Muchbenhard CL., Linton MA.* Date Rape and Sexual Aggression in Dating Situation: Incidence and Risk Factors // *Counseling Psychology*. 1987. N 2. P. 186—188.
5. *Берн Э.* Секс в человеческой любви. М., 1990. С. 145—155.
6. *Кон И.С.* Психология ранней юности. М., 1989. С. 231.
7. *Кон И.С.* Введение в сексологию. М., 1988. С. 177—178.
8. Социол. исслед. 1992. № 5. С. 33—59.

Книжная полка социолога

ГУМИЛЕВ Л.Н. *От Руси к России: очерки этнической истории*. М.: Экспресс, Прогресс, 1992. 335 с.

ДАВЫДОВ А.А., ДАВЫДОВА Е.В. *Измерение искренности респондента*. М.: Ин-т социологии РАН, 1992. 21 с.

ДИСКИН И.Е. *Социокультурный базис перестройки /Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения*. М.: Наука, 1992. 105 с.

ЗИЯТДИНОВ Ф.Г. *Социальное положение и престиж учителя: проблемы, пути решения*, Рос. Акад. управления. М., 1992. 288 с.

ИБРАГИМОВ А. И. *Региональная политика развивающихся стран: эволюция идей и практика*, АН Азербайджана. Баку: Элм, 1992. 171 с.